

якнайбільше козацьких душ до пекла. Звертаючись до людських слабкостей (блуд, користолюбство, заздрість), вони штовхають людей на братовбивство [див.: 1, с. 67]. Лексика поєднує в собі архаїчно стилізовану та народну мови. Оповідь ведеться за допомогою картин описів, філософських розмірковувань. У романі значне місце відведено зображенню внутрішнього світу людини, наявна певна суб'єктивізація, що також є властивістю постмодерністської поетики.

Отже, український історичний роман у сучасній українській літературі є цікавим літературним явищем, на якому свій відбиток залишили позалітературні умови сучасності. Історична тема є актуальною і сьогодні, оскільки історична доля українського народу потребує переосмислення і нової інтерпретації заради визначення майбутнього шляху розвитку нації з урахуванням попереднього досвіду і уникнення повторення помилок минулого.

Проаналізовані твори свідчать про те, що український історичний роман протягом свого розвитку не втрачає актуальності. Ідучи в ногу із сучасністю, зазнаючи впливу модерністських та постмодерністських тенденцій, він певним чином трансформується. В історичних романах ХХІ ст. підсилюється авторська присутність, яка призводить до певного суб'єктивізму. Категорія історизму стає слабкою, на перший план виводяться проблеми буденні, картини опису, звичай тощо. Автори романів все частіше звертаються до історичних архівів, документальних хронік, за допомогою яких у творі підкреслюється психологічна напруженість, а сюжети набувають стрімкого розгортання. Хоча тематика творів є різноманітною, в її основі найчастіше лежать архетипи – добро і зло, життя і смерть, вірність і зрада, громадянин і Батьківщина. Чи не найважливішою з особливостей українського історичного роману ХХІ ст. є гостра інтерпретація минулого під впливом сучасної політичної ситуації. Художня література, на відміну від історії, має можливість яскраво висловлювати те, що століттями замовчувалось. Тому романи стають більш критичними, характеризуються відвертістю, уникаючи детальних описів, звертаються до психологічного стану, внутрішнього світу людини.

Зберігаючи типові особливості жанру, історичний український роман ХХІ ст. стрімко розвивається, зазнаючи певних трансформацій під впливом модерністських тенденцій та сучасної переоцінки життєвих цінностей, набуваючи нових характеристик.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бакалець Я. Із сьомого два / Я. Бакалець, Я. Яріш; передм. Г. Пагутяк. – Харків : Книжковий Клуб “Клуб Сімейного Дозвілля”, 2010. – 400 с.
2. Баран Є. Обрій літературного 2000-го / Євген Баран // Кур'єр Кривбасу. – 1999. – № 2. – С. 110-117.
3. Кожелянко В. Срібний павук / Василь Кожелянко. – Львів : Кальварія, 2004. – 130 с.
4. Корсак І. Таємниця святого Арсенія / Іван Корсак. – Луцьк : Твердиня, 2008. – 160 с.
5. Пешорда Д. Спроба типології сучасного історичного роману (на матеріалі хорватської літератури) / Дмитро Пешорда // Сучасний погляд на літературу. – 2001. – № 5 – С. 105-122.
6. Шкляр В. Залишенець. Чорний Ворон / В. М. Шкляр – Харків : Книжковий Клуб “Клуб Сімейного Дозвілля”, 2011. – 384 с.

УДК 821.161.1П-31.09

ОППОЗИЦИЯ ПРИРОДНОГО И УРБАНИСТИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В ПОВЕСТИ А. ПАНАЕВОЙ “ФАНТАЗЕРКА”

Куянцева О. А., аспирант

Запорожский национальный университет

В статье анализируются особенности пространственно-временной организации повести А. Панасовой “Фантазерка”, рассматриваются специфические черты природного и урбанистического хронотопа.

Ключевые слова: повесть, природный хронотоп, урбанистический хронотоп, художественное время, художественное пространство.

Куянцева О. О. ОППОЗИЦИЯ ПРИРОДНОГО ТА УРБАНИСТИЧНОГО ХРОНОТОПУ В ПОВІСТІ Є. ПАНАЄВОЇ “ФАНТАЗЕРКА” / Запорізький національний університет, Україна.

У статті аналізуються особливості просторово-часової організації повісті Є. Панаєвої “Фантазерка”, розглядаються специфічні риси природного та урбаністичного хронотопу.

Ключові слова: повість, природний хронотоп, урбаністичний хронотоп, художній час, художній простір.

Kuyantseva O. O. OPPOSITION OF THE NATURAL AND URBAN BACKGROUND IN THE STORY “DREAMER” (“FANTAZERKA”) BY A. PANAIEVA / Zaporizhzhya National University, Ukraine.

In the article the author determines the characteristics of the organization of literary space and time. Basing on the novel “Dreamer” (“Fantazerka”) the author analyses the specific traits of the natural and urban background.

Key words: novel, natural background, urban background, literary space and time.

Художественное время и пространство – важнейшие составляющие художественного мира произведения, поскольку они выполняют сюжетобразующую функцию, помогают воспринять создаваемую автором модель реальности, а также уяснить композиционные и жанровые особенности художественного текста.

Впервые мысль о неразрывном взаимодействии времени и пространства в художественном произведении высказал М. Бахтин, для обозначения пространственно-временного единства исследователь использует термин “хронотоп”: “Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп” [1, с. 235]. Ученый выделяет такие типы хронотопа, как идиллический, урбаністический, биографический, рыцарский.

В исследованиях Д. Лихачева [2], Ю. Лотмана [3], В. Топорова [4] и др. содержится ряд наблюдений над спецификой хронотопа как основополагающей категорией внутреннего мира художественного произведения, обуславливающей его жанрово-стилистическое и композиционное своеобразие. Эти ученые рассматривают особенности художественного времени и пространства в произведениях зарубежных (Ф. Рабле, А. Данте) и русских писателей (Н. Гоголь, Ф. Достоевский).

Изучение хронотопа прозы А. Панаевой, писательницы и мемуаристки II пол. XIX в., дает возможность целостного восприятия художественного мира ее повестей и романов. Сегодня ее произведения оказались незаслуженно забытыми, однако их литературная значимость очевидна: они публиковались в таких крупных петербургских журналах, как “Современник”, “Нива”, “Живописное обозрение”, “Исторический вестник”, пользовались широкой популярностью у современников писательницы, привлекали внимание литературных критиков.

Расцвет творчества А. Панаевой отмечается в 1860-е гг., когда ею был написан ряд произведений, отражающих острые социальные проблемы современности. Изучению особенностей художественного пространства и предметного мира в прозе писательницы уделяет внимание С. Татаркина, она детально рассматривает эти категории в повести “Воздушные замки” и романе “Мелочи жизни” [5]. Отметим, что пространственно-временная организация социально-психологической повести “Фантазерка” ранее не становилась предметом специального изучения, этим и обусловлена актуальность данной статьи. Цель исследования – изучить специфику природного и урбаністического хронотопа в этом произведении.

Пространственно-временная организация прозы А. Панаевой в разные периоды ее творчества претерпевала изменения. Для ранних произведений характерно изображение природного хронотопа, наделенного идиллическими чертами. В таких произведениях, как “Пасека” и “Степная барышня”, автор, следуя романтической традиции, воспроизводит тип “естественных” героинь, которые выросли на лоне природы. Позже, в 1860-е годы, А. Панаева одной из первых в русской литературе обращается к типу “новой женщины” (романы “Мелочи жизни”, “Женская доля”, “Роман в петербургском полусвете”, повесть “Фантазерка”, “Рассказ в письмах” и др.). Характеры эмансипированных героинь формировались в столичном мире, поэтому закономерно, что особое внимание в этих произведениях писательница уделяет изображению Петербурга.

Природный хронотоп зачастую изображается как недостижимый идеал, где проходит детство героев. Отметим, что в русской литературе традицию изображения идиллического усадебного мира, заложенную А. Пушкиным в романе “Евгений Онегин”, во второй половине XIX в. продолжили такие писатели, как И. Тургенев, Л. Толстой, И. Гончаров, М. Жукова и др. Подобная тенденция характерна и для творчества А. Панаевой. В своих произведениях писательница последовательно “выстраивает” пространственную модель, состоящую из трех компонентов: столичного, деревенского и усадебного бытия.

Пространственные модели, построенные по принципу оппозиции центра и периферии, столицы и провинции, цивилизованного и естественного, природного и урбаністического, а также модели временные (оппозиция прошлого – настоящего, вечного – кратковременного) традиционны для русской литературы (творчество В. Одоевского, В. Даля, Ап. Григорьева, Ф. Достоевского и др.).

В произведениях большинства писателей XIX в. доминирует принцип бинарности. Метод бинарных оппозиций был описан К. Леви-Строссом, который говорит о таких антиномиях, как левый – правый, высокий – низкий, присущих мифологической логике [6]. “Вслед” за ним В. Топоров отмечает, что в

основе моделирования хронотопа лежит система двоичных различительных признаков. К ним относятся противопоставления, связанные с характеристикой структуры пространства (верх–низ, небо–земля, земля–подземное царство, правый–левый, восток–запад, север–юг), с временными координатами (день–ночь, весна (лето)–зима (осень)), с цветовыми характеристиками (белый–чёрный или красный–чёрный), а также противопоставления, находящиеся на стыке природно-естественного и культурно-социального начала (мокрый–сухой, сырой–варёный, вода–огонь), обнаруживающие отчётливо социальный характер (мужской–женский, старший–младший (в разных значениях – возрастном, генеалогическом: предки–потомки, общественном), свой–чужой, близкий–далёкий, внутренний–внешний) [4, с. 164].

Такие писатели, как А. Пушкин, И. Тургенев, Л. Толстой, И. Гончаров, стремясь гармонизировать пространственно-временной план произведения, преодолевают это противопоставление путем добавления третьего элемента, который нейтрализует два противоположных. На этом принципе основано моделирование трехкомпонентной пространственно-временной модели. Третьим элементом в оппозиции природное – урбанистическое бытие может выступать усадебный мир. Качественное отличие подобных моделей от двуполярных заключается в том, что в них отсутствует акцент на контрастности явлений, стремление их противопоставить, хотя и сохраняются характеристики каждого из них.

С. Татаркина приходит к выводу, что А. Панаева в большинстве своих произведений моделирует трехкомпонентную пространственную модель. Героини повестей и романов, написанных в 60-е гг. XIX ст., осознают необходимость эмансипации, вынуждены покинуть провинцию, поскольку их стремление к независимости вызывает осуждение и насмешки. Они отправляются в Петербург, однако и там не могут найти истинное счастье, столичный город воспринимается ими враждебно, здесь они сталкиваются с большим количеством трудностей. Таким образом, героини не могут вернуться в деревню, которая символизирует прошлое, природный мир, но и Петербург, соотносимый с настоящим, им чужд.

В трехкомпонентной пространственно-временной модели Петербург–деревня–усадьба писательница особо выделяет усадебный мир, символизирующий гармонию, счастье и любовь. Главным маркером гармоничного усадебного пространства в прозе писательницы традиционно выступает хронотоп сада. Это пространство, синтезирующее и природное, и цивилизованное бытие.

А. Панаева нередко подчеркивает, что Петербург, созданный по воле мужчины, не может стать настоящим домом для женщины. Как правило, большинство героинь не имеют здесь истинного дома, того пространства, которое способно их защитить, потому они вынуждены жить в гостиницах, наемных квартирах или искать приют в чужих углах.

Действие повести “Фантазерка” (1864) происходит в двух пространственно-временных планах: идиллический хронотоп деревни презентуется как нечто недостижимое, место, где проходит детство Александры, главной героини, и куда она потом безнадежно стремится вернуться; ему противопоставлен урбанистический хронотоп взрослой жизни. Александра, живя в столице, с сожалением вспоминает лучшие дни своего детства: “... Как я была весела в деревне, когда гостей нет, мама в Петербурге, мы одни, гуляем, играем в четыре руки... так тихо кругом...” [7, с. 176]. Все то, что составляет повседневную петербургскую жизнь светских барышень (балы, наряды, танцы, приемы) чуждо Александре, в тексте автор неоднократно подчеркивает отсутствие каких бы то ни было связей между ней и ее “светской маменькой”, кроме уз кровного родства.

Героиня много читает, проникается идеями эмансипации женщин; формирование Александры как личности связано с пребыванием ее в идиллическом хронотопе деревни, где “она могла вдоволь заниматься музыкой, читать, гулять по саду и далее пробираться в поле...” [7, с. 183]. Как мы уже отмечали, хронотоп сада для творчества писательницы имеет большое значение: это пространство, в котором героини могут испытывать истинную свободу и проявлять искренние чувства. Кроме того, в пространственной модели А. Панаевой сад выступает маркером усадебного бытия. “Отнесенность” его к временному плану прошлого (детство героини) указывает на невозможность для героини обрести гармонию во взрослой (петербургской) жизни.

Деревенское воспитание стало причиной того, что об Александре стали отзываться, как о “выродке из фамилии Каротинских”, так как ей удалось избежать “нравственного безобразия”, на которое толкали ее “обстановка, семейная и общественная”, а также “воспитание” [42, с. 187].

Привлекает внимание еще один женский образ – сподвижницы героини, Мери, разделяющей убеждения Александры. Главным фактором, повлиявшим на развитие в ней свободомыслия, стала все та же жизнь вне высшего света: “Мери не была заключена в тот изолированный светский круг, который уподобляется картинному городу и не предоставляет возможность попасть туда зачумленному умственным движением” [7, с. 183]. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает уподобление “светского круга” “картинному городу”, ведь топоним “город” в текстах А. Панаевой зачастую маркирован, как негативное пространство, угнетающее женские натуры.

Видя влюбленность Александры в Алексея Сергеевича, петербуржца, перспективного, но бедного молодого человека, ратующего за идеи самодостаточности и независимости женщин, родители принимают решение отправить девушку за границу. Отъезд становится испытанием для влюбленных: героиня остается верна своим чувствам, а молодой человек не только предаёт возлюбленную, но и “расстается” с идеями о необходимости воспитывать в обществе поколение “новых людей”.

Особую роль в развязке любовной коллизии играет хронотоп дороги. Возвращаясь в Россию, Александра читает письмо возлюбленного, который сообщает ей о своем решении прекратить отношения. Мать не отвозит ее домой, а селит в гостинице, в узкую длинную грязную комнату с одним окном на улицу. Хронотоп гостиницы подчеркивает неукорененность героини в Петербурге; Александра попадает в изоляцию от внешнего мира, остается наедине со своим горем. Стараясь разобраться в собственных чувствах, она не находит ответа на вопрос о том, что же ей делать, и импульсивно решает вырваться из гостиницы, увидеть Алексея. А. Панаева подробно описывает ее путь: “Вдруг она снова отворила дверь и пугливо посмотрела в длинный коридор, почти темный, потому что высокие маленькие окна заслонялись карнизом крыши” [7, с. 214]. Отворенная дверь (соотносимо с бахтинским хронотопом порога) – единственная возможность покинуть замкнутое пространство. Однако, попадая в темный коридор, героиня чувствует страх, отсутствие окон указывает на безысходность ситуации, невозможность органичной связи с внешним миром. Особое значение в этой сцене приобретает хронотоп лестницы: он, в отличие от ранних произведений писательницы, символизирует не только путь духовного подъема героини, но и получает дополнительный оттенок – для Александры эта лестница становится восхождением на Голгофу.

Писательница так описывает моральные переживания героини: “Чем выше поднималась она по лестнице, тем сильнее чувствовала она какое-то невыносимое страдание – точно входила на эшафот” [7, с. 217]. Действительно, путь духовного взросления девушки труден, поскольку родители не поощряют ее стремление к самообразованию. Высокие убеждения Александры противоречат нравам светского общества, для нее неприемлема праздная жизнь “светской барышни”. Возлюбленный предаёт не только ее чувства, но и ее убеждения, что неизбежно влечет за собой смерть. Он, по сути, и становится косвенно ее палачом – увидев его в доме сестры, Александра выбрасывается из окна, заканчивая жизнь самоубийством. Отметим, что в ранних произведениях (например, повесть “Семейство Тальниковых”, рассказ “Жена часового мастера”) окно маркируется как путь спасения, в этой повести – как путь гибели.

Таким образом, в повести “Фантазерка” ярче, чем в других произведениях писательницы, проявилась оппозиция природного и урбанистического хронотопа. Хронотоп сада, как маркер гармоничного усадебного бытия, соотносен со сферой детства, в которое героиня вернуться не может, а, следовательно, она вынуждена жить в Петербурге, городе, который чужд ей. Конфликт двух пространственно-временных планов (прошлого и настоящего, природного и урбанистического) определяет трагическое мироощущение героини, что, в конечном счете, толкает ее на самоубийство.

Сказанным выше не исчерпывается проблема пространственно-временной организации произведений писательницы. Перспективным является дальнейшее изучение малоизвестных современным читателям повестей и романов А. Панаевой в данном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234-407.
2. Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения / Д. С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74-87.
3. Лотман Ю. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – С. 251-292.
4. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Современник, 1983. – С. 227-284.
5. Татаркина С. Творчество А. Я. Панаевой в литературном контексте XIX века: гендерный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Татаркина. – Томск : ТГПУ, 2006. – 24 с.
6. Леви-Стросс К. Структурная атропология / К. Леви-Стросс. – М. : Наука, 1985. – 399 с.
7. Станицкий Н. Фантазерка / Н. Станицкий // Современник. – 1854. – Т. 104. – С. 169-219.